

грамоте этот головной убор определенно и неоднократно назван „венцем“ (στραυος), т. е. скорее короной, митрой, но во всяком случае не мягким монашеским клобуком, закрывавшим, в отличие от короны или митры, всю голову.

Чем же все-таки отличается эта вторая половина первой части Повести от ее начала? Почему между описанием легализации христианства и описанием „сотворения“ клобука нами отмечается незаметная на первый взгляд грань?

Начало Повести — все изложение ее до отмеченного нами момента — является не более, как компиляцией из двух источников, установить которые, как мы убедились, не представляет большой трудности. Во второй же половине первой части Повести используется лишь один из этих источников — Псевдоконстантинова грамота. Но использование этого источника в данной части Повести резко отличается от предыдущей: здесь уже не компиляция, а ассимиляция, и если отбросить маловероятное предположение о том, что в этой части был использован еще какой-то, неизвестный нам источник, то вся эта часть представляется намвольной импровизацией составителя Повести на мотивы Псевдоконстантиновой грамоты.

Приведем один из эпизодов этой части Повести, иллюстрирующий приемы этой импровизации, чтобы убедиться, как искусно использовал автор Повести неясные, глухие и краткие намеки на некоторые обстоятельства взаимоотношений Константина и Сильвестра, содержащиеся в Псевдоконстантиновой грамоте.

Сюжетная схема этого эпизода в Грамоте такова. Константин предлагает Сильвестру царский венец; Сильвестр отказывается, ссылаясь на то, что он носит „венец клирический от чести св. Петра“, да еще „на главе пострига“, т. е. будучи монахом; после этого царь возлагает на Сильвестра „венец лицом белейшим“. Автор Повести из этого одного эпизода сделал несколько. Предложение царя и отказ Сильвестра, о чем так кратко сказано в Грамоте, он развернул в значительный по объему эпизод; по ходу действия Сильвестр, отказ которого „оскор-

---

ставрона, который митрополит Феогност, по свидетельству летописей, пожаловал архиепископу Василию), были обнаружены остатки клобука: 23 жемчужины, бирюзовые, розовые и золотые бусины, наконец, две ленты „рясны“, сделанные из серебряного кружева. Таким образом клобук, который носил архиепископ Василий, был на самом деле белым, „плетеным“, „тричастным“, как про него говорится в Повести, и совершенно необычным не только по цвету, но и по роскошному оформлению: из серебряного кружева, с расшитыми шелками медальонами — изображениями святых, обильно украшенный жемчугом, с кистями на концах „рясы“. Такой необычайный головной убор мог действительно дать повод к легенде. Сравнение этих остатков с клобуком, который некогда хранился в Софийской ризнице и считался принадлежавшим архиепископу Василию, с полной очевидностью показывает, что последний был довольно точной, но менее роскошной копией клобука архиепископа Василия: он был связан из белого шелка и не с семью, а лишь с четырьмя изображениями — медальонами — на каждой „рясе“. Об этих раскопках см. в вып. XXIV „Кратких сообщений ИИМК“, в статьях А. А. Монгайта (стр. 92—104) и Л. И. Якуниной (стр. 105—107); с мнением последней, что раскопано было погребение архиепископа Симеона, а не Василия, трудно согласиться после тех доказательств, которые привел в своей статье Монгайт (стр. 102—103). Подробное описание белого клобука, якобы принадлежавшего архиепископу Василию, имеется в „Археологическом описании церковных древностей в Новгороде и его окрестностях“ архиепископа Макария (М., 1860, стр. 343—357). Его внешний вид воспроизведен в альбоме „Древности Российского государства“ Ф. Г. Солнцева (т. I, 1849, № 94). В настоящее время в Новгородском музее выставлен белый клобук неизвестного происхождения — также вязанный, но без всяких украшений и даже без „рясы“. Это, очевидно, один из четырнадцати белых клобуков, которые хранились в Софийской ризнице во времена Макария.